

МОЖЕТ БЫТЬ, ОН ПРАВ

Он едва не стал чемпионом мира по шахматам, а записи его концертов вошли в сборники величайших пианистов XX века. Ему 85 лет. Его детям-двойняшкам – нет и восьми.

Я смотрю – и не верю, что это тот самый человек, который встречался с Вертинским и Шостаковичем. Пожимал руку Че Геваре и расспрашивал о чем-то Черчилля.

– Юрий Любимов когда-то сказал: «Мне надоело быть актером в 45». В какой момент вам надоело быть шахматистом?

– Этот возраст еще не пришел. Мне не надоело.

– А пианистом?

– Вот с этим делом жалко было расставаться, но сейчас музыка требует ежедневного внимания. А у меня оно переключено на детей. Это самая большая радость, которую преподнесла судьба – поздние детки. Когда родился первенец, Игорь, в двадцать с лишним лет, было много другого увлекательного. А Димочка и Машенька появились, когда мне стукнуло 78. Все внимание им.

– Сейчас дома рояль есть?

– Да. Но подхожу к нему, лишь, когда просят дети. Профессиональные проблемы с суставами, играть трудно.

– Зато шахматами каждый день занимаетесь и сегодня?

– Абсолютно не занимаюсь. Поддерживаю интерес благодаря интернету. Слежу за событиями, не выходя из дома. Компьютер я освоил. Между прочим, до сих пор за рулем – с 56-го года, как получил «Победу» от Микояна за шахматную олимпиаду. Теперь, правда, езжу на «Додже». Я не такой ретроград, как можно подумать. Мне интернет гораздо интереснее, чем телевидение. Очень аккуратно выбираю программы, которые смотрят мои детки – столько зла, столько пошлости!

В «табеле о рангах» 1968 года – он одиннадцатый шахматист страны, но будь он даже двадцать пятым, все равно бы заслуживал отдельного очерка.

Рекорды в шахматах не регистрируются, в противном случае он считался бы рекордсменом номер один – девятнадцатикратное участие в финалах первенства СССР дает на это неоспоримое право. Девятнадцать раз! Это минимум 19 лет, ему же в 1968 году было только 43 года. Однако самое удивительное, что шахматам он всегда уделял едва ли половину своего времени.

Подобно семи греческим городам, спорившим некогда из-за Гомера, шахматисты и музыканты вот уже много лет не могут поделить его между собой. А позже в эту «распрю» вмешались и журналисты. Автор ряда книг и множества статей, он и в этой области еще не сказал своего последнего слова.

В мире немало талантливых шахматистов, еще больше блестящих музыкантов и прекрасных журналистов, но удачно совмещать и то, и другое, и третье удалось только Марку Евгеньевичу Тайманову.

Пожалуй, лишь двести лет тому назад у него был великий предшественник – крупнейший шахматист и музыкант Франсуа Филидор. Я не собираюсь проводить параллель между ними. Подобные сравнения чересчур субъективны, зачастую даже бестактны. Однако мы склонны порою недооценивать современников. Филидору, чтобы быть Филидором, достаточно было знать и уметь в шахматах не больше, чем сегодняшнему второразряднику. Тайманова Бог тоже не обидел талантом, но при этом в условиях двадцатого века ему пришлось стать еще и шахматной энциклопедией. Иначе не быть ему гроссмейстером, иначе не быть ему Таймановым!

Он, к примеру, написал для одного из немецких издательств три тома дебютной энциклопедии, в которых самым исчерпывающим образом осветил защиту Нимцовича, ферзевый гамбит, новоиндийскую и каталонскую защиты и еще много-много другого... Только шахматист может понять, какой это кропотливый, каторжный труд, ведь чтобы все это знать, нужно время, очень много времени, а в сутках всего двадцать четыре часа, к тому же львиная доля из них принадлежит музыке. Тайманову приходи-

лось обманывать самого себя, делить сутки не на часы, а на минуты: тысяча четыреста сорок – это звучит, это уже не двадцать четыре.

И еще нужно заранее, загодя планировать каждый свой шаг, быть пунктуальным, даже педантичным, отказываться от всего, что мешает главному – шахматам и музыке, исключить из жизни ряд больших и маленьких радостей, которые, скажем откровенно, дарит нам не одна только работа.

А вот это-то как раз не для Тайманова! Он – оптимист, он-эпикурец, он ни от чего не хочет отказываться и ничем не желает жертвовать. Светский, элегантный, остроумный и находчивый, веселый и жизнерадостный, Тайманов никогда не суетится, никуда не торопится. Он обаятелен и артистичен.

Все это – и впечатление, производимое внешностью и манерами Тайманова, и завидная стабильность его успехов во всем, за что бы он ни брался, и удивительная легкость, с которой он добивается этих успехов, создали ему репутацию счастливчика, любимца фортуны.

Что и говорить, отношения с фортуной у него вполне приличные, но заслуга в этом все-таки не ее, а самого Тайманова.

Повезло ли одиннадцатилетнему Марку, когда в 1937 году его с распростертыми объятиями приняли в шахматный кружок только что открывшегося Дворца пионеров? Конечно, повезло, ведь желающих было очень много и принимали туда далеко не каждого. Но ведь уже к тому времени он был «кинозвездой», с успехом снялся в «Концерте Бетховена». Был еще и талантливым, многообещающим пианистом. Конечно, повезло и в том, что шефом кружка был сам Ботвинник, сильнейший шахматист страны. Повезло, повезло...

Но уж скорее о таймановском «невезении» можно говорить в связи с XX первенством СССР. Казалось, уже «без пяти минут чемпион страны», он в последнем туре проигрывает Геллеру совершенно ничейную позицию. В XXXIV первенстве Корчной захлопнул перед ним дверь в межзональный турнир, проиграв свою партию Гипслису (в дополнительном тройном матче), которому никогда дотоле не проигрывал. Не очень-то повезло Тайманову и в XXXVI чемпионате, где какой-то злой рок

помешал ему довести до победы пять-шесть уже выигранных позиций.

Однако вернемся к годам войны, когда перед юным Таймановым, эвакуированным с консерваторией в Ташкент, стал вопрос, чему же все-таки отдать предпочтение, чем заниматься дальше.

В детстве Марку казалось, что силы и возможности его неисчерпаемы. Родители не возражали против раздвоения интересов сына, они даже опасались, что ранняя специализация сделает мальчика однобоким, ограниченным. Но детские годы ушли и хотя пришло мастерство, но пришли и куда более сильные соперники, которых, как раньше, уже нельзя было шутя, без всякого напряжения, повергать одного за другим. Но бросить музыку или шахматы, или хотя бы ограничить себя было выше его сил.

В Ташкенте Тайманов принимает участие в весьма серьезных турнирах. В одном из них, в 1943 году, делит 1-2-е места с всемирно известным Сало Флором. Играл тогда Тайманов живо, находчиво, даже лихо, с преобладанием тактики и... легковесно (авантюрно, пожалуй, он не играл никогда).

Легковесность объяснить нетрудно – таланта ему было отпущено так много и схватывал он все так легко, а соперники, за редким исключением, были в большинстве своем настолько слабы, что трудиться за доской ему почти не приходилось, а тратить силы впустую – это вообще противоречило существу его характера.

Так продолжалось до 1948 года, до XVI первенства СССР, когда Тайманов, впервые попавший в компанию сильнейших шахматистов страны, разделил два последних места с другим новичком – Львом Ароным.

Этот чемпионат оказался переломным для становления Тайманова-шахматиста. Вообще финалы первенств страны всегда имели для него особенное значение. Он считал и считает их до сих пор важнейшими соревнованиями в своей жизни. Только они позволяли ему поддерживать длительную, устойчивую форму, что при двух профессиях и порой слишком длительных шахматных паузах имело для него решающее значение.

И все же первенство 1948 года выделяется по своему значению для Тайманова из всех прочих, хотя он занял в нем последнее место. Впрочем, именно это и убедило в том, что с одними только лихими атакующими наскоками в турнирах высшего класса делать ему нечего. В 1948 году Тайманов окончательно убедился, что шахматы – не игрушка, даже не просто игра, а сложное, трудоемкое дело, и чтобы постичь его секреты, придется напрячь все свои силы. И Тайманов начал постигать шахматную науку – когда нужно, он любит и умеет работать.

И вот пришло понимание позиционных нюансов, пополнился арсенал технических средств, и как логическое и неизбежное следствие пришли частые и стабильные успехи.

Уже в XIX чемпионате он один из победителей, затем участник межзонального турнира и турнира претендентов. В XX первенстве он делит с Ботвинником 1-2-е места, в XXIII – становится чемпионом СССР, в турнире памяти Алехина занимает 3-е место, отстав всего лишь на пол-очка от Ботвинника и Смыслова, но опередив зато остальных корифеев того времени.

А затем снова спад. В сущности, не произошло ничего неожиданного. Раньше он побеждал одной только фигурной игрой – зачем было искать что-то другое, если и этого хватало с избытком? Теперь успех за успехом приносила техника, и легко относящийся к жизни, безмятежно смотрящий в будущее, Тайманов был спокоен – техника так техника, не все ли равно, как побеждать? Так некогда думал гениальный Капабланка, за что жестоко и поплатился. Вот и игра Тайманова, так же, как у Капабланки, потускнела, потеряла свежесть, пропал вкус к шахматам, пошли неудача за неудачей.

Получив от жизни новый тревожный сигнал, Тайманов немедленно (это тоже весьма характерно для него!) принимает срочные меры, кардинально меняет манеру игры. В результате долгой и весьма напряженной работы стиль Тайманова становится сплавом изобретательности, технического мастерства, фантазии, оптимизма и – все-таки! – некоторой легковесности, от которой ему до конца избавиться не удастся. Однажды, наблюдая вместе с Бронштейном за одной из партий Тайманова, я спросил у знаменитого гроссмейстера, как он может оценить очередной

ход Тайманова. «Ход как ход, вполне приемлемый. Любой мог его сделать, но только после длительного раздумья, а Марик сделал его сразу». В этих словах Бронштейна можно было уловить легкий намек на легкомыслие Тайманова, но в огромном таланте Марка Евгеньевича, впрочем, никто и никогда не сомневался. Ботвинник сравнивал его с такими выдающимися шахматистами, как Боголюбов и Ларсен.

Зоркость его глаза и тяжесть его руки запомнили Дрезден (1959 г.), Санта-Фе (1960 г.), Дортмунд (1961 г.), Мариански-Лазни (1962 г.), Люксембург (1963 г.), Будапешт (1965 г.), Хельсинки (1966 г.), Копенгаген (1966 г.), Рейкьявик (1968 г.), Залагаэрсэг (1969 г.), где Тайманов, чаще единолично, иногда в компании, занимал первые места. Коллекция его вторых и третьих призов не менее внушительна.

Таймановский оптимизм, о котором сам Тайманов слышал столько раз, что ему грозила опасность превратиться в пессимиста, не имеет ничего общего с ожиданием чуда, с надеждой на ошибку соперника, хотя он и играл подчас «битые» ничейные позиции, в которых другие уже давно бы заключили мировую. «Возможности шахмат безграничны, и если противник не знает этого, тем хуже для него», – вот его девиз. Изобретательности Тайманова, его способности к сопротивлению могли позавидовать очень многие. Если фигуры стоят мало-мальски прилично, если они находятся в пружинном взаимодействии, Тайманов верит – не все потеряно. Он искренне считает, что всегда что-то да найдется, считает потому, что любит шахматы и верит в них.

Оптимизм и безграничная вера в свои возможности жестоко подвели его, когда он проиграл отборочный матч на первенство мира с Фишером с ужасным счетом 0:6. Впрочем, Фишер так разгромил не одного только Тайманова. Верный своему характеру, Тайманов не так уж долго огорчался. Но однажды он сказал мне: «Я не мог выиграть матча у Фишера, он гений. Но при всем при этом я мог добиться результата, которого вряд ли кто-нибудь сумеет добиться. Вот об этом я действительно жалею».

Справедливости ради надо отметить, что при всем своем оптимизме, в безграничной вере в свою звезду Тайманов никогда не ставил перед собой предельно высоких целей, ну, напри-

мер, стать чемпионом мира, хотя вовсе не страдал отсутствием честолюбия. Поэтому, будучи весьма эмоциональным и легко возбудимым, свои отдельные неудачи и поражения он переносил сравнительно легко. По крайней мере, Корчной – друг и земляк Тайманова, – проиграв в XXXIV первенстве ту самую знаменитую партию Гипслису, огорчился гораздо больше, нежели сам Тайманов.

Впрочем, это объясняется еще и тем, – и даже скорее, – что неудача в шахматах для Тайманова отнюдь не являлась трагедией, крушением жизненных планов. Ведь при всех обстоятельствах при нем оставалась его музыка! Благодаря ей же он сохраняет свежесть, не исчерпал себя в шахматах несмотря на возраст и играет ныне почти так же легко, все с тем же вкусом, с той же истинной увлеченностью, как и двадцать, и тридцать лет назад.

Да, Тайманова можно узнать всегда, его своеобразный характер накладывает отпечаток на все, к чему бы он ни прикасался. Медленной, нудной езде в хвосте у плетущейся машины он предпочитает обгон, в кино и в литературе – любит приключения (обязательно с «happy end»), в музыке – ему гораздо больше удастся светлая классика Моцарта или Рахманинова, чем глубокофилософские, часто трагические произведения Баха, Брамса или Бетховена. Дело опять же не в сравнении, но ведь и в шахматах для Тайманова характерно моцартовское восприятие мира.

Тайманов – пианист высшей категории. Вдвоем с Любовью Брук, по мнению такого специалиста как народный артист РСФСР Яков Флиер, они были лучшим дуэтом страны. Иногда к ним присоединялся их сын, и тогда дуэт превращался в великолепное трио. Порой Тайманов сам выступал «один в трех лицах» – как шахматист, артист и журналист – ленинградцы очень любили его телевизионные шахматные репортажи.

– Как вам удастся столь успешно совмещать такие далекие друг от друга профессии – шахматиста и пианиста? – спросил я Тайманова. – Ведь, сказал же когда-то Рубинштейн: «Если я не прикасаюсь к роялю день – об этом знаю только я, если два дня – об этом знает жена, если я не играю три дня – об этом узнает весь мир».

– А я и не совмещаю, – ответил Тайманов, – Я чередую! Знаете, как в сельском хозяйстве – год сеют пшеницу, год – люцер-

ну. Ну, а если говорить всерьез, то я весной и летом, как правило, играю в шахматы, а осенью и зимой выступаю в концертах. Правда, совсем отвлечься не удастся: в дни шахматных турниров я немного занимаюсь по утрам на рояле, а на гастролях краем глаза посматриваю на карманные шахматы. Я понимаю, конечно, что в таком чередовании есть свои отрицательные стороны, но, занимаясь шахматами, я успеваю истосковаться по музыке, а после музыки я так стремлюсь к шахматам, что возвращение к ним для меня как праздник...

Я слушаю Тайманова и невольно проникаюсь его убежденностью. Удивительные успехи – и в шахматах, и в музыке – делают его логику особенно убедительной. И все же не оставляет мысль, что не распыляй Тайманов так щедро своих сил и времени, он мог бы добиться большего, возможно – в музыке и уж наверняка – в шахматах. Впрочем, кто знает... Может быть, он прав.

ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

Более полувека тому назад состоялось XX первенство СССР по шахматам. Каждое первенство СССР было событием. Это – особенным. По драматизму, блестящему составу, качеству партий, неожиданности результатов. Как известно, оно, и закончившись, не определило единоличного победителя. Ими стали двое – Михаил Ботвинник и Марк Тайманов. Учитель и ученик. Чуть позже они разыграли чемпионский титул в матче между собой.

Матч проходил в Москве в помещении Театра Советской армии. Мне посчастливилось в эти дни тоже быть в Москве, куда я приехал в составе сборной «Буревестника». В Москве мы готовились к предстоящему в Минске первенству СССР среди спортивных обществ. Готовил нас к соревнованию сам знаменитый Давид Бронштейн. После очередных занятий мы с Бронштейном отправились в Театр Советской армии. Всю дорогу Бронштейн, очевидно, несмотря на мою молодость, проникшийся ко мне доверием, ругал Ботвинника. Сейчас мне трудно вспомнить, за что Давид так ненавидел Ботвинника, может быть, в нем еще не улеглась досада в связи с тем, что ему всего лишь год назад в собственном с ним матче не удалось одолеть прославленного чемпиона мира. У Ботвинника было много врагов в шахматном мире – из-за его

неуступчивости, резкости в общении, беспощадных характеристик, которые он никогда не желал смягчать, за то, что он не умел прощать, за то, что он был убежденным сталинистом. Но и те, кто его ненавидел, понимали, что Ботвинник – гений, гигант, символ, высящийся Эверестом среди всех остальных, что, несмотря на нескрываемую верность идеям социализма, он не подписал ни одного группового письма ни против сионизма, ни против «врачей-отравителей». Ненавидя его, все его при этом уважали.

Впрочем, по крайней мере, один упрек Бронштейна Ботвиннику, суть которого Давид Ионович изложил мне тогда, был все же справедлив. В 1940 году в XII Чемпионате СССР Ботвинник сыграл неудачно, поделив лишь 5-6-е места. Заявив после окончания первенства, что оно не отразило истинного соотношения сил, Ботвинник, используя свой непререкаемый авторитет в высших сферах, добился проведения дополнительного соревнования первых шести победителей XII Чемпионата, назвав его матч-турниром на звание абсолютного чемпиона СССР. В нем Ботвинник занял первое место, действительно отражавшее тогдашнее соотношение сил. «В том XII первенстве, – горячился Бронштейн, – было тоже два победителя – Лилиенталь и Бондаревский. Они и должны были определить чемпиона СССР. Почему же Ботвинник тогда не дал им такой возможности, а теперь вот, игнорируя первую шестерку, сам играет матч с Таймановым?!».

Матч-турнир на звание абсолютного чемпиона СССР больше никогда не проводился. Конечно же, в 1941 году был явно нарушен спортивный принцип. Но, если отвлечься от формальной стороны вопроса, будущее показало, что Ботвинник был, пожалуй, прав. Никто тогда не заслуживал больше него права представлять страну на международных соревнованиях, в чемпионате мира, что было прерогативой чемпиона СССР. Для тысяч мальчишек он был кумиром, символом. Для прогресса шахмат в стране именно он, а не кто-то другой должен был в то время быть сильнейшим, быть чемпионом. Хотя, повторяю, спортивный принцип был тогда Ботвинником сознательно нарушен.

Когда мы пришли с Бронштейном на матч, очередная партия, не помню уже какая по счету, была в разгаре. Тайманов после очень краткого раздумья сделал ход Ce1-d2. «Только Марик мог так сыг-

рать», – сказал мне Бронштейн. «Это плохой ход?» – удивился я. «Нормальный, – ответил Бронштейн, – только любой гроссмейстер сделал бы его после получасового раздумья, а Тайманов сразу». В его голосе я услышал явное осуждение легкомыслия Тайманова.

Однако вернемся к событиям, предшествующим матчу.

Первые ходы противника не были неожиданными для гроссмейстера Марка Тайманова, так же, впрочем, как и выбранный черными дебют – защита Нимцовича – не застал врасплох Ефима Геллера. Даже зрители, те немногие, кому повезло с билетами, и тысячи, кто сегодня мог надеяться только на радио и телефон, без труда предсказали бы начало в этой главной партии тура и всего турнира. За все соревнование Геллер только два раза, играя белыми, не отдал на первом ходу предпочтение ферзевой пешке и только один раз в ответ на 1. d4 Тайманов уклонился от защиты Нимцовича. Для него, почти бессменного лидера турнира, задача сегодня была достаточно скромной: сделать ничью. Она обеспечивала ему звание чемпиона Советского Союза.

Шел последний тур XX первенства СССР – одного из самых сильных в истории советских чемпионатов. В нем играли чемпион мира Михаил Ботвинник, его непобежденный соперник Давид Бронштейн, будущий чемпион мира Василий Смыслов, «вечно второй» Пауль Керес, участник финального матча претендентов Исаак Болеславский, те, кто в ближайшие десятилетия стали ключевыми фигурами мировых шахмат: Виктор Корчной и Ефим Геллер... Победить здесь – значило немногим меньше, чем выиграть звание чемпиона мира.

С самого утра Тайманов мысленно готовился к празднику и даже представить себе не мог, чтобы он не состоялся. Ибо самый молодой гроссмейстер страны был абсолютно уверен, что сегодня, ну, в крайнем случае, завтра, после доигрывания его провозгласят чемпионом. Даже теоретически Тайманов уже не мог спуститься с первой строчки таблицы, в худшем случае разделит бы ее с Ботвинником. Но для этого он должен был не только проиграть сам, но и Ботвинник обязательно должен был выиграть у Алексея Суэтина.

Уже в дебютной стадии Тайманов понял, что его ход 10. ...b6 импульсивен, поспешен, ошибочен. О проигрыше пока, конечно, не могло быть и речи, но появились трудности, к долгому и упор-

ному преодолению которых ленинградец, настроенный сегодня на праздник, честно говоря, не был готов. Приходилось мириться с оккупацией белым конем поля d4, так как коня черных на f6 было необходимо «развязать», а альтернативный ход 13. ... g5 казался чересчур рискованным и, следовательно, совершенно неприемлемым для играющего на упрощение Тайманова. Как бы там ни было, после 15 хода белые добились серьезного преимущества, однако и позиция черных не имевшая особых слабостей, казалась защитимой. И никто в зале не был в этом уверен больше Марка Тайманова.

Молодой ленинградец считался вообще неисправимым оптимистом. Быть может, «повинны» тут были наследственные гены, но скорее все же жизненные условия и обстоятельства, сопутствовавшие ему с самого детства. Щедро одаренный музыкант, вундеркинд в шахматах, юный киноартист, любимец друзей и семьи, красивый и обаятельный, он шел от удачи к удаче, от одного успеха к другому. В 1952 году 26-летний Тайманов если и понимал, то в лучшем случае лишь теоретически, абстрактно и уж, конечно же, не применительно к себе, что ковер под ногами, как бы длинен он ни был, когда-нибудь да кончается и что никому не дано избежать неудач и разочарований.

Имея возможность форсированно перейти в более выгодное окончание, Геллер не только избрал значительно менее эффективный план, сохранявший все же серьезное преимущество, но и неожиданно сделал откровенно слабый ход. Препятствуя вторжению черного коня на e4, белые вычурно, на вид даже неэстетично сыграли 17. f3, хотя добивались той же цели очевидным и надежным способом – разменом чернопольного слона на потенциально опасного коня f6. Такая ошибка точного в реализации преимущества, не склонного к поспешным, импульсивным решениям гроссмейстера объяснялась лишь чрезмерным волнением. В последнем туре и перед ним стояла весьма серьезная задача.

И Геллер, и Тайманов – яркие представители первого послевоенного поколения шахматистов, в начале шестидесятых годов захватившего власть в свои руки и не выпускавшую ее до самой середины семидесятых. Разные по характеру, почти антиподы: общительный, жизнерадостный эпикуреец Тайманов и внешне

сумрачный, немногословный, раскрывающийся только в семейном кругу или в компании близких друзей Геллер – были приятелями в жизни и непримиримыми соперниками в шахматах. Их спортивные пути и интересы часто пересекались. Оба гроссмейстера образца 1952 года – изобретательный тактик Геллер и стратег Тайманов – между собой сражались всегда яростно, ожесточенно, принципиально. Сейчас Геллера устраивала только победа, дававшая ему, как минимум, дележ третьего места. Ничья же отбрасывала его далеко назад.

В группе лидеров Тайманов шел с первых туров. После восьмого, выиграв у Аронина, ленинградец единолично вырвался вперед, никому не уступая главенствующей позиции. После 14 тура отрыв молодого гроссмейстера от ближайших преследователей достигал двух (!) очков, но Ботвинник гигантским усилием воли к последнему туру сократил разрыв до одного очка.

Если не считать ошибочного семнадцатого хода, Геллер вел партию инициативно и энергично, но волнение заметно мешало ему. 29-м ходом он неожиданно снимает атаку с пешек a7 и c7, что еще больше облегчает задачу черных. Тайманов, чувствуя опасность, использует каждый шанс. Он прекрасно ведет защиту, находит ряд очень сильных ходов, в особенности 36-й – слоном, но положение его все еще остается опасным.

Иногда, когда Геллер задумывается над очередным ходом, Тайманов спешит к партии, от которой в случае его проигрыша зависит, быть ли ему единоличным чемпионом. События в ней не внушают ему никаких опасений. До 13-го хода чемпиону мира даже не удастся полностью уравнять позицию. На 13-м ходу Суэтин, правда, делает ошибку, но еще за ход до откладывания партия кажется абсолютно равной. Успокоенным возвращается Тайманов к своему столику.

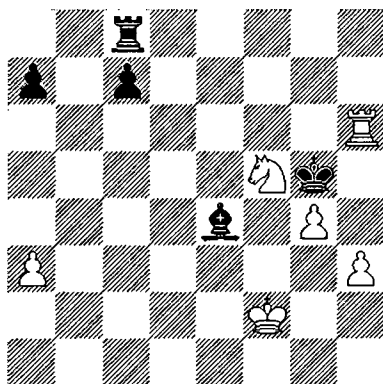
42-м ходом Геллер делает последнюю в этот день и, кажется, решающую ошибку.

Это видят секундант Тайманова Сало Флор, многие зрители в зале и не видит только тот, кому это сейчас нужнее всех, – сам Тайманов.

Полчаса он думает над записываемым ходом. Нет уже сил, до крайности истощены нервы. И вместо ведущего к ничьей 42... Lf8

Тайманов записывает неправильный, проигрывающий ход 42... Лb8, заодно узнавая, что Суэтин остается без пешки.

Геллер – Тайманов

после 42 Kpg1-f2

Ночной анализ показал, что шансов на спасение нет. Были, правда, кое-какие подводные камни и рифы, но Геллер их обошел без труда. На 70-м ходу ленинградец остановил часы. Но оставалась еще неоконченной партия Ботвинника, где, казалось, дрогнул даже железный Михаил Моисеевич. Окончание с разноцветными слонами было столь классически ничейным, что Тайманов, потерявший уже всякую надежду, снова ощутил себя чемпионом СССР. В фойе он благодарно пожимал руки поздравлявшим его и машинально говорил обязательные в таких случаях слова:

- Подождите. Рано. Партия еще не закончилась.
- Закончилась, – пробежал мимо демонстратор.
- Ничья? – спросил Флор, пораженный тем, что Ботвинник так быстро смирился с неизбежным.
- Суэтин сдался. Угодил в матовую сеть и сдался...

Даже сегодня, спустя много лет, вспоминая об этом, Тайманов не улыбается.

- Ну что, в конце концов, случилось? Это когда-нибудь обязательно происходит, – успокаивает он себя, – в спорте, в шахматах, вообще в жизни. Неудачное стечение обстоятельств, неве-

зение, а может, и неумение собраться в нужный момент, нетренированность воли – все то, от чего избавляешься только с годами. Да и то не всегда. И, знаешь, я наверняка сломался бы тогда, ну не навсегда, конечно, но на какое-то время обязательно. Если бы... если бы не мой вошедший в поговорку оптимизм.

– Было объявлено, что XX первенство дало стране не одного, а двух победителей. И я убедил себя, что это еще престижнее – быть чемпионом СССР вместе с чемпионом мира. В ранге чемпиона я уехал в Грузию на гастроли... Но через несколько дней получаю телеграмму от Флора. «Срочно прилетай. Произошла маленькая ошибочка! Будешь играть с Ботвинником матч».

После напряженной и упорной борьбы Тайманов с почетнейшим счетом 2,5:3,5 проиграл этот матч и так и не стал в 1952 году чемпионом Советского Союза.

